

**Из воспоминаний жителя
Алексеевской волости А.М. Ко-
лыхалова о революционных со-
бытиях 1917 года в Софиевской
волости¹ Исаево-Дедовского
района Оренбургской губернии.**

23 ноября 1925 г.

[...] Перед событиями февра-
ля [1917 г.] деревня² морально
была убита. Дома оставались
лишь женщины, старики и дети.
Взрослое мужское население
было всё на войне. Оставшаяся
часть мужчин и женщин, не видя
конца войны и зная, что без ра-
ботников, взятых на войну, они
много не посеют и не уберут, ста-
рались как можно меньше выки-
дывать на рынок старые хлебные
запасы. Так как хлеб нужен был
фронту и городам, правительство
стало насильно при помощи по-
лиции хлеб забирать по твёрдой
цене. Забираемый хлеб население
само должно было отвозить на

---

¹ В настоящее время — территория Софиевского сельского совета Пономарёвского района Оренбургской области.

² Установить название не представилось возможным. Вероятнее всего, речь идёт о месте рождения автора.

ст. Абдулино с[еверо]-з[ападной]
железной дороги.

В то время, когда у крестья-
нина забирали небольшие за-
пасы, у помещиков, имевших
хлеба тысячи [пудов], не трога-
ли. Да и сыновья их были дома,
на учёте, как пастухи своего же
скота. И вдобавок жизнь они
вели разгульную, капиталы их
увеличивались. Как пример при-
веду гр[ажданина] с. Воздвижен-
ки Никона Копилова, который,
имея перед войной тысяч на 10,
перед революцией имел капита-
ла на 200 000 руб. Всё вышеука-
занное в сёлах в сознании масс
внедряло ропот и недовольство
[...] Февральскую революцию
население встретило растерян-
но, хотя и чувствовало, что что-то
творится новое, но понять не
могли, что может быть нарушен
тот порядок вещей, при кото-
ром они выросли и родились.
Дальше же этого смотреть не
могли. Отдельные голоса, раз-
дававшиеся за происшедшее но-
вое, терялись, как капля в море.
Как факт приведу пример. Как
я указывал выше, крестьян за-
ставляли вывозить хлеб на ст.
Абдулино. В одну из таких по-
ездок гр[ажданин] с. Алексеевки
Тимофей Филиппов попал как

раз в дни революции. Крупный ж[елезно]-д[орожный] центр ст. Абдулино с большим количеством рабочих встретили её шумно. Филиппов же, сдав хлеб, приехал домой. Дома своим по секрету сообщил, что царя прогнали. Семейные были перепуганы не тем, что не стало царя, а тем, что сказавшего о революции, по их мнению, если услышат другие, заберут и посадят. И бедная семья, когда пришёл урядник справиться, сдал хлеб или нет, так перепугалась, что заплакала вся, чем бессознательно выдала причину плаканья. Урядник, наверное, уже знал, так как лишь только пригрозил никому не говорить. Успокоились окончательно только по получении официального известия из волости.

В дальнейшем до апреля 1917 года крестьянство понемногу привыкало к новому порядку вещей. Но мер к закреплению и использованию того, что немного дала первая революция — не принимало. Даже полиция и всё остальное было по-старому. Лишь в начале апреля, с приходом с фронта солдат, стало чувствоваться революционное настроение [...]

Приходившие вести всегда были извращены и [приходили] с опозданием. Солдат же, проводников революционной борьбы города и фронта в деревне, приходило мало. И отзвуки поэтому были слабые. Из губернского центра за всё время был в волости

только один агитатор, у которого поняли только одно, что жизнь была бы хорошей, если бы не большевики, шпионы Германии, и хвалил эсеров. Но как бы то ни было, плохо доходили известия, настроения были против войны. Все стояли за скорейший конец, не разбираясь, что будет дальше. После этого лишь в конце октября [1917 г.] с фронта понемногу стали прибывать в деревню отпускники и просто бежавшие. Приходившие приносили в село, а в особенности матросы, которые были первыми застрельщиками всех событий на селе, идеи, возвещённые Октябрём.

И деревня всколыхнулась. Новые формы организации власти проходили по-разному, но общее у них было одно: помочь бедноте выйти из затруднительного продовольственного положения, обеспечить её. Средства были намечены — хлебные амбары землевладельцев, которые были полны хлебом. Часть руководителей Советов, видя, что если не принять меры, то стихийно все имения растащат, старались организованным путём забрать первым долгом хлеб, начали раздавать не имеющим его, а остальное взять на учёт и сохранить [...]

**Написал по воспоминаниям
Кольхалов Андрей Михайлович.**

ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 96. Л. 1 — 2. Подлинник

Из воспоминаний Д.С. Закопаевой, участницы Гражданской войны, об установлении Советской власти в Орском уезде в 1917 – 1921 гг.

[1958 г.]

[...] В 1917 году мой муж и 13-летний сын Федя работали на вновь строящейся Орской ж.д. станции.

По телефону из города сообщили, что царь свергнут с престола. Железнодорожные рабочие колонной с красными знамёнами пошли в город, а впереди колонны мой муж и отец играли на гармошках «марсельзу» и пели.

В 1918 году моего мужа встретил казак красногвардеец Василий Завадский и сообщил, что на г. Орск наступает [А.И.] Дутов.

В конце сентября со стороны Кумакской горы наступление усилилось. Все наши силы были брошены на защиту города. Лошадь наша не распрягалась – я вместе с Борисовой Евдокией Яковлевной – женой командира роты, подвозили патроны в окопы, а с линии фронта вывозили раненых наших бойцов. Ранним утром наши войска отступали из города. Вместе с малолетними детьми отступила и я [...]

По заданию штаба Орского полка я выехала в г. Орск и должна была вернуться в г. Актюбинск [...] Но белогвардейской охранке стало известно о моём

приезде и рано утром я была арестована.

Во время допросов меня пытали: рвали здоровые зубы и били нагайками, требуя сведений о нашей армии и доставку моего сына Федя, который в каком-то бою им крепко насолил: во время рукопашного боя, когда, не выдержав атаки наших войск, белые стали отходить, а мой сын якобы вслед им играл на оркестровой маленькой гармошке «камаринскую». Да, это могло быть, так как мой сын никогда не расставался с этой гармошкой, она всегда была при нём.

[...] Во время очередного допроса мы встретили орского прапорщика Мещерякова Михаила, которого в детстве мой муж обучал играть на гармошке. С его помощью нам удалось получить разрешение на один день поведаться с детьми [...] Я после сильных истязаний была слишком больна и бежать не могла, поэтому вынуждена была скрываться.

Разыскивая меня, белогвардейские офицеры [...] издевались над моей 12-летней дочерью Марией, но всё же она сумела меня спрятать в погребе в бочку, замаскировав сверху как капусту, накрыв кружками [...] День и ночь просидела я в бочке, а утром пришли наши освободители из 24-й Оренбургской железнодорожной дивизии.

[...] Вспоминаю один из эпизодов. В то время было больно, а сейчас смешно: на ст. Эмба во

время стоянки поезда с помощью бойцов я вынесла большой котёл и на костре варила обед для бойцов. Вдруг началась стрельба из орудий и из пулемётов. Пули жужжали вокруг, ударялись о вагоны, и без сигнала наш поезд медленно двинулся. Я закричала: «А как же котёл, ведь обед почти готов?» На выручку с поезда соскочили бойцы, на ходу погрузили котёл и меня всунули в вагон. Стрельба продолжалась. Пули разбивали окна вагона, мои малолетние дети Мария и Лида забрались под скамейки вагона. Только успели переехать через р. Эмба, как белогвардейцы взорвали за нами мост. Мы были в опасности окружения, но на выручку пришли кустанайские войска и пробили нам путь.

После разгрома [А.В.] Колчака мы вернулись в г. Орск осенью 1919 года. И тут началась новая жизнь [...]

При уюме партии был создан женотдел под руководством Александры Зябликовой, который сыграл очень большую роль в выполнении задач, поставленных партией и Советской властью.

Через женотделы уком партии проводил большую агитационно-массовую и пропагандистскую работу среди женщин города, в результате чего актив с каждым днём возрастал. Я была женорганизатором [...] С помощью активисток-делегаток [...] мы организовали женщин на посадку огородов для детских домов, для семей погибших воинов и

инвалидов войны. Создавали женские бригады по сбору тёплых вещей и других вещей для Красной Армии.

Большую помощь нам в этих мероприятиях оказывали комсомолы. В то время часто устраивали субботники по восстановлению города и ликвидации последствий войны. И женщины, организовавшиеся вокруг женотдела, безропотно выполняли все работы: расчистку города от мусора, мазку домов и учреждений и т.п.

Мне было поручено организовать женскую артель по пошиву одежды, вязке пуховых платков и других тёплых вещей.

Несмотря на разруху, уездный комитет партии проводил большую работу по ликвидации неграмотности среди коммунистов. Была организована школа ликбеза, которую посещала и я и ликвидировала свою неграмотность.

В конце 1920 года или в начале 1921 года, точно не помню, по инициативе укома партии [...] была организована 2-я Орская сельскохозяйственная коммуна на конном заводе [...]

[...] Многие коммунары сознательно шли в коммуну и верили в неё. Привезли всё своё хозяйство до последней щепки во дворе и всё обобществили. Но отдельные люди, ещё глубоко проникнутые чувством собственности, шли в коммуну с опасением, с пустыми руками, оставив своё хозяйство на всякий случай дома. Однако весной дружно взялись за работу.

Посеяли 450 дес. одной только пшеницы и ещё много культур, хорошо было налажено огородное хозяйство, свиноводство, птицеводство. Большой энтузиазм в работе проявляли коммунары.

Но вот 1921 год принёс нам большое стихийное бедствие от засухи. Посеянный хлеб не взошёл, огороды погорели. В коммуну ворвался тиф, холера, чума, столбняк и другие болезни. Болезнь косила самых лучших коммунаров, и началась большая смертность. Начался повальный падеж скота, птицы, и голод навис над коммунарами. По решению правления коммуны здоровые коммунары перешли в город на разные работы [...]

Закопаева Дарья Сидоровна

ОГАСПИ. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 78. Л. 2 — 7. Подлинник.

Документ № 3

Из воспоминаний уроженца с. Логачёвка Тоцкого района Оренбургской области А. Колесникова о фактах укрывательства хлеба населением села в 1919 году.

27 ноября 1969 г.

[...] Я уроженец села Логачёвка бывшей Логачевской волости Бузулукского уезда, ныне Тоцкого района Оренбургской области.

В то время, т.е. в 1919 году, мне было 14 лет. [...] Я в то время

был учеником Логачёвского сельсовета, одновременно был избран членом совета, несмотря на несовершеннолетие [...]

Дали нам указание вести агитационную работу внутри населения по сдаче хлеба государству. Но как я помню наша агитация положительного результата не давала. В то время местные кулаки, а их было в нашем селе много, тормозили имеющийся хлеб, зарывали в ямы, а нашу бригаду называли молокососами и угрожали. Тогда руководители волисполкома с участием т. Топорова дали нам указание приступить к повальному обыску по изъятию хлеба у местных кулаков. Таким путём нашей бригадой было найдено в ямах хлеба — зерна в пределах в первый период, как мне помнится, 342 пуда и второй период около 500 пудов, который хлеб был обозами отправлен в Бузулук на элеватор. В дальнейшем такими путями мы изымали хлеб и отправляли в Бузулук, но какое количество, я не могу припомнить [...]

Кроме хлеба, была найдена водка выпуска до Советской власти, церковные просвирки мешками [...]

ОГАСПИ. Ф. 8171. Оп. 1. Д. 93. Л. 10 — 11 об. Подлинник*.

---

* Сборник «Повседневная жизнь Оренбургской губернии в условиях революционных трансформаций (1917–1921 гг.)»